

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ
РЫЦАРЬ. СТЕПЬ
РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ
РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ
ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ
ВЕПРЬ. ФЕНИКС

РУБИКОН
РУБИКОН. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

ПЕС. СТРАЖ
ПЕС. БОЕЦ

ФРОНТИР. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ
ФРОНТИР. ПЕРО И ВИНТОВКА
ФРОНТИР. ДОРОГА НА ДВОИХ
ФРОНТИР. ГОРОД В СТЕПИ

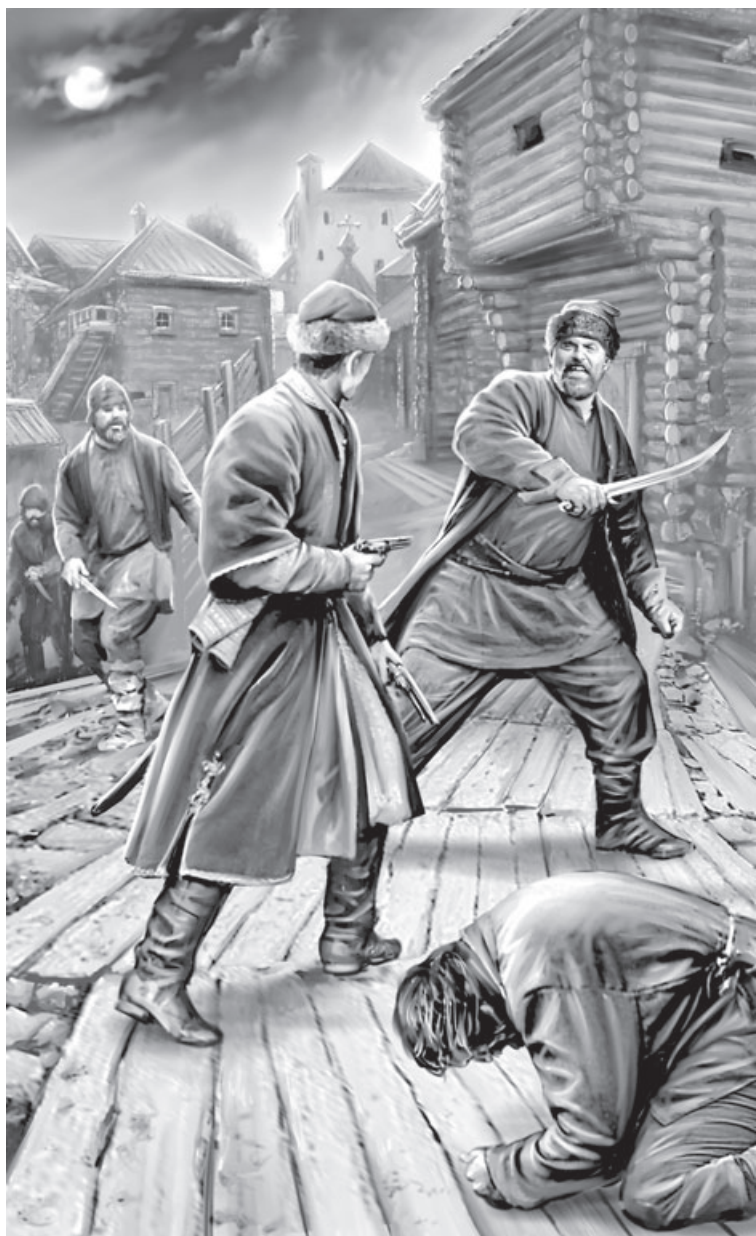
БУЛЬДОГ. В НАЧАЛЕ ПУТИ
БУЛЬДОГ. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ
БУЛЬДОГ. ХВАТКА

КОЛОНИЯ
КОЛОНИЯ. КЛЮЧ
КОЛОНИЯ. ДУБЛИКАТ

ОДИНОЧКА. АКВАНАВТ
ОДИНОЧКА. ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ
ОДИНОЧКА. ПАТРИОТ

НЕСГИБАЕМЫЙ
НЕСГИБАЕМЫЙ. ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН
НЕСГИБАЕМЫЙ. НЕ БУДИ ЛИХО...

ФАВОРИТ. СТРЕЛЕЦ
ФАВОРИТ. СОТНИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ФАВОРИТ. СОТНИК

РОМАН

Москва, 2017
Э АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1072

Художник
И. Воронин

Калбазов К. Г.

К17 Фаворит. Сотник: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2505-1

Русь конца семнадцатого века. Именно Русь, потому что Россия делится на несколько независимых государств: Русское царство, Новгородская и Псковская республики, Гетманщина на левобережье Днепра да земли донских казаков. Нашему современнику довелось попасть в тело молодого стрельца. И вроде выпячиваться не хочет, да оно само как-то так происходит, не получается у него остаться незамеченным, хоть тресни. Да еще в интриги то и дело влипает. Оно вроде и с честью вывернулся, да только не все так просто. Ушел от одних, угодил под колпак другим. А на горизонте маячит поход в Крымское ханство, уж не одно столетие нависающее бичом над русскими землями. Молодой, энергичный и амбициозный государь, готовый вот-вот взойти на престол. Словом, весело, чего уж там. Просто обхохочешься.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Калбазов К. Г., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2505-1

Глава 1

ОТСТУПЛЕНИЕ

— Со-отня-а! Слушай мою команду! За-аряжа-ай! Це-эльсь! За-алпом! Пали-и!

В ответ на команду раздался слитный грохот ста двадцати винтовок. Строй ненадолго заволочло белесой пеленой, которая тут же начала истаявать, поднимаемая вверх и сносимая в сторону. Оно бы глянуть, чего они там наворотили. Но некогда. Сотенный и не думает униматься:

— За-аряжай! Це-эльсь! За-алпом! Пали-и!

И снова винтовочный грохот. Не успевшая истаять до конца пелена становится более плотной и менее прозрачной. Никаких сомнений, еще пара-тройка залпов — и обзор окончательно заволочет дымом. Все же жаль, что бездымный порох, в отличие от черного, с кремневым замком куда более капризен и дает слишком большой процент осечек. Ну и дорог до безобразия. А то бы милое дело. Он и влаги практически не боится, и обзор не застит. Знай только бей раз за разом.

Впрочем, это так, досужие размышления, и не более. Пусть стрельцам, сосредоточившимся на своей работе, и некогда следить за противником, сотенный наблюдает за ним постоянно. Не успеть им сделать больше пары залпов. Дальше такая стрельба себя уже не оправдает.

Это на дистанции шесть сотен шагов пальба залпом вполне себе приемлема. Уже на трех сотнях ее эффективность резко падает. Как и снижается скорострельность. Зато эффективность разрозненного огня резко увеличивается. Проверено.

— За-аряжай! Це-эльсь! За-алпом! Пали-и!

Нет. Слишком быстро несутся татары, чтоб им трижды опрокинуться. Расстояние уже вполне приемлемое для прицельной стрельбы. Да и всадники уж вскидывают свои луки.

— Огонь по готовности, братцы! Да гляди мне, бей прицельно.

Иван вскинул свой карабин. Ремень привычно взялся враспор. Эх. Жаль, окопы не успели отрыть. С упора о бруствер куда ловчее было бы, чем с рук. А главное, устроить это нехитрое, но весьма эффективное земляное укрепление — никаких проблем. Саперная лопатка входит в снаряжение каждого стрелца. Да только кто же даст на это время. Иное дело, когда разбивают стоянку. Однако сейчас-то они на марше. Даже рогатки составить времени нет. Только и того, что штыки примкнули. Ну да за неимением гербовой пишут на простой.

Хм. Кстати, царю-батюшке Дмитрию Васильевичу жутко понравилась идея с этой самой гербовой бумагой. Закон уж принят и семимильными шагами шествует по Русскому царству, ссылая в казну копейки да полушки, сливающиеся в рубли и, чего уж там, тысячи. И это на сегодняшний день. А всего-то Ивану нужно было в присутствии Николая обронить старую как мир поговорку. Н-да. Для него старую.

Пока нет надобности в командах, Иван решил внести свою лепту. Быстро поймал в прицел несущегося на него всадника. Никакого упреждения не требуется. Лишь взять его в кружок — мушка сама, на интуитивном уровне, ловит его центр. Нажать на спуск.

В-выстрел! Есть! Татарин нелепо взмахнул руками, отбрасывая в сторону уже изготовленный лук, и откинулся на круп несущейся во весь опор лошади. Та от неожиданности потеряла равновесие, запнулась, присела на задние ноги и тут же полетела кубарем, увлекая за собой то ли убитого, то ли раненого всадника.

Потянуть защелку, открывая затвор. Теперь за шпильку вытянуть из патронника гильзу. Ее — в свободное гнездо патронташа. Подхватить другой патрон из соседнего гнезда. Вокруг уже грохочут разрозненные выстрелы. Действуя наощупь, Иван видит, как всадники один за другим валятся в

иссохшую траву, под взбивающие пыль копыта накатывающей лавы.

— Гранатометчики! Гранатами! Огонь! Шевелись, братцы!

Наконец карабин заряжен. Время все еще есть. Карпов вновь вскидывает оружие. Выцеливает очередного татарина. Выстрел! Отлично! Еще одного снял. Чем больше врагов они подстрелят на подходе, тем меньше их доберется до строя. Хотя-а... Многовато их в этот раз. Правда, это вовсе не повод опускать руки.

Тем временем дюжина парней, по одному от каждого десятка, выкатились из строя и, оказавшись позади, изготовили особые гранаты. Они и размером чуть крупнее, и имеют кольца, чтобы крепить отрез тонкой веревки. Раскрутил такой подарочек, да и запустил куда как подальше, чем с руки. Ну и запал в них не обычный на четыре-пять секунд, а на девять-десять. Чиркнув колесиком кресала, нужно еще успеть закрутить и отправить в цель чугунный ребристый подарочек. Да и полет займет какое-то время.

Иван закинул кремневый карабин за спину, а оттуда в руки переключал пневматический. Воздушка, попросту говоря. Ее и в сотне все так называют. Вообще-то предполагалось, что она будет находиться в обозе сотни, в офицерской повозке. Но Иван уже успел оценить ее скорострельность и точность на дистанции до двухсот шагов. При этом ее легкая девятимиллиметровая пуля гарантированно поражала хоть всадника, хоть лошадь. Благо доспехи у татар все же были редкостью несусветной. Ну и двадцать быстрых прицельных выстрелов дорогого стоят.

Ч-черт! Ну чего они тянут! Сотенный бросил взгляд на гранатометчиков. Вообще-то парни действовали весьма сноровисто. Прошло меньше десятка секунд, а они уже посылали в полет свои увесистые снаряды. Да и до ближайшего всадника еще добрых две сотни шагов. Просто для Ивана время буквально несется вскачь.

Но... Вот именно что вскачь! Максимум еще по выстрелу, и дальше все. Глазом не успеешь моргнуть, как лава уже накатит на две жидкие шеренги стрельцов. Похоже, на этот раз татары решили обойтись без привычной карусели и попросту смять русских своей массой.

Господи, спаси и сохрани!

— Вторая полусотня! Гранаты к бою!

Выполняя свою же команду, Иван привычно пристроил воздушку на стиб левой руки. Слышатся дублирующие команды полусотенного и взводных. Выхватил из подсумка ребристое яйцо. Сорвал берестяной колпачок. Готов.

В отдалении уже рвутся гостинцы, запущенные гранатометчиками. И парни вовсе не думают отлынивать. Недаром все же на тренировках слита не одна бочка пота. Не успели еще приземлиться первые подарочки, а они уже запускают в полет вторые. При этом привычно подправив прицел.

— Двумя гранатами! По номерам! Ого-онь!

Палец привычно чиркнул кресалом. Убедился, что из-под него появился легкий дымок от загоревшегося замедлителя. Замахнулся и пустил в полет чугунную смерть. Все же хорошо, что он не пожалел ни времени, ни усилий, ни затрат и изготовил достаточное количество белого пороха.

Гранаты начали рваться густо и часто, вздымая небольшие фонтаны пыли и травы, что не могло не сказаться на обзоре. А если бы сюда добавились еще и молочные клубы сгоревшего черного пороха, то тут уж совсем ничего не рассмотришь.

А так обзор практически не пострадал. И благодаря этому видно, что гранаты сделали-таки свое дело. Очень может быть, что сердца степных воинов переполняет отвага и они рвутся в бой, а вовсе не прочь от врага. Но вот лошадь — она поистине самое пугливое животное на свете. Ее тонкая психика не в состоянии выдержать всего этого кошмара, наполненного пугающим грохотом.

Кони резко осаживают. Взбрыкивают. Вздыхливаются. Причем делают все настолько рьяно и непредсказуемо, что всадники порой падают на землю. И это те, кто сидеть в седле учится раньше, чем ходить.

Пока стрельцы второй шеренги готовятся к повторной атаке гранатами, первая ведет огонь с колена. Неприятель, скучившийся шагах в семидесяти от них, сейчас представляет собой отличную мишень. Только успевай перезаряжаться.

Ну и еще — расставлять правильно приоритеты. Потому что некоторые всадники, совладав со своими четвероногими друзьями, все же вырываются из этой толчеи и бросаются на строй стрельцов.

— Перестроиться в каре! Гранатометчики, продолжать огонь гранатами!

— Первая полусотня, строиться в каре! — чуть не разом дублируют команду полусотенные.

— Первый взвод, ко мне! В две шеренги становись!

— Второй взвод, ко мне! В две шеренги становись!

— Третий взвод, ко мне! В две шеренги становись!

— Четвертый взвод! В две шеренги становись! — вторят офицерам сержанты.

Сотня на какое-то время рассыпалась, перемешалась, но очень скоро эта куча-мала начала приобретать стройный вид. Вообще-то авантюра чистой воды. Перестроить людей нужно было заранее. Это ведь не скоротечный налет пары сотен всадников, которые на полном скаку пускали свои стрелы с предельной дистанции. Конечно, попасть они могли только случайно, но, имея мишень в виде плотного строя, шансов у них куда больше. Да и проще уйти легкой татарской коннице от тяжелой русской.

Сейчас в атаке принимало участие не меньше нескольких тысяч татар. Очень может статься, что за этой атакой последует и самое настоящее сражение. Вот только Иван был уверен: построит он своих людей в каре заблаговременно, и не сбить ему напора на их строй. А там сотню попросту снесли бы. И на помощь рассчитывать не приходится. Они сейчас в боковом охранении, и до основных сил около полуверсты.

Так что шанс только один. Сбить атакующий темп перед своими порядками. А пока татары будут приходить в себя, успеть выставить каре. Риск, конечно, но, когда терять попросту нечего, будешь хвататься за самый мало-мальский шанс.

Иван вскинул воздушку. Баллон-приклад уперся в плечо. Взгляд привычно выхватил кольцо прицела и свел с мушкой. Одновременно большой палец уже потянул курок.

Выстрел! Ладонь левой руки давит на поперечный затвор, отводя его в сторону. Пружина подает очередную пол-

нотелую пулю формы тупоносого воланчика¹ в калиброванный паз. Отпустить затвор, и тот, подхватив смертоносный кусок свинца, занимает боевое положение. Палец уже взвел курок. Взгляд выискивает новую цель. Меньше двух секунд, и указательный палец тянет спусковой крючок. Приклад привычно и довольно увесисто толкает в плечо, посылая шесть граммов смерти в очередного врага.

Иван и сам не заметил, как расстрелял все двадцать пуль в трубчатом магазине. В баллоне воздуха еще на пару десятков полновесных выстрелов. Разве что стрелять придется на куда меньшую дистанцию. Вот только перезарядиться сейчас некогда. От слова «совсем».

Взгляд охватывает картину боя. Ох и тяжело было сначала и самому участвовать в бою, и оценивать обстановку, и раздавать команды. Ну да, слава богу, хотя бы первые столкновения случались на подготовленных позициях. А вот теперь постепенно втягивается. Хм. Или уже втянулся?

Тем временем перестроившиеся стрельцы открыли огонь. Первый взвод палит в противника перед собой. Второй и третий, расположившиеся на флангах, бьют по всадникам, обтекающим каре с боков. Командир четвертого взвода, прикрывающий тыл, снял один десяток и усилил первый взвод, выставив третью шеренгу.

Все как и обрабатывалось много раз на учениях. Правда, Иван все же надеялся, что до подобного не дойдет. Потому что каре может означать только то, что их дела очень плохи. Сотня — не то подразделение, чтобы сбивать подобный строй. Слишком мало стрелков.

Тем временем часть татар, остававшаяся перед стрельцами, навалилась на строй. Ну, во всяком случае, попыталась это сделать. Ивану ничего не оставалось, кроме как перезарядить оружие и наблюдать за происходящим. Разве что постоянно ободрять парней, надсаживая горло. Кто бы что

¹ Пуля в форме воланчика — одна из форм пуль для пневматических винтовок. В данном случае главный герой ее модернизировал под свои потребности, заменив пустотелую юбку на полнотелую для возможности использования трубчатого магазина и увеличения массы пули. *(Здесь и далее примеч. авт.)*

ни говорил, но уверенный голос командира посреди боя для солдата дорогого стоит.

Вот один из всадников подскочил к строю, в упор разрядив свой лук. И чего было так приближаться? Горячка боя — она такая. Зачастую эмоции и адреналин полностью застыт разум. В ответ на это один из стрельцов ткнул штыком лошадь в морду, заставив ее вздыбиться. Второй полоснул отточенной сталью по брюху, вспарывая как шкуру, так и натянутую струной подпругу. Лошадь огласила округу страшным в своей безысходности ржанием. Всадник вместе с седлом повалился на землю. И тут же его достал третий стрелец, несмотря на тренировки, в сердцах вгоняя штык на полную длину.

Покончив с перезарядкой, Иван выхватил последнюю гранату и метнул ее за спины атакующих. Не дожидаясь взрыва, вскинул воздушку. И вновь не заметил, как расстрелял весь магазин. Все, она уже бесполезна.

Рванул из кобуры револьвер. Не ту трехзарядную голландскую бандуру, что была у него раньше, а собственного изготовления. Шестизарядный образец, являющийся куда более продвинутым продолжением небезызвестного револьвера Коллиера.

Шесть выстрелов. Револьвер в кобуру. Выхватить его близнеца. Еще шесть выстрелов.

Не сказать, что в воцарившемся вокруг хаосе каждая посланная им пуля нашла свою цель. Но все же Иван может поручиться, что ему удалось подстрелить минимум четверых. Если к ним прибавить еще и тех, кого он достал до этого. Это он славно так отметился на этой непонятной войне. И чего крымскому хану нейдется? Дал бы спокойно уйти и поберег своих воинов. У русских такие небоевые потери, что только держись.

К тому моменту когда Иван наконец схватился за свой карабин с примкнутым штыком, татары уже подались во свояси. Да только кто же их отпустит просто так! Зарядить патрон. Взвести курок. Поймать в прицел спину удаляющегося всадника. Потянуть спуск. Удовлетворенно отметить, что враг скатился вбок и повалился в степной ковыль. Все. Хватит забавляться. Если так и дальше пойдет, то никакого пороха и свинца не напасешься.

— Прекратить огонь! Полусотенным проверить личный состав и доложить о потерях! Восполнить боекомплект! Приготовиться продолжить движение!

Это они изрядно потрудились. Прямо-таки на славу. Шутка сказать, перед их позициями на разной дистанции лежит не меньше полутора сотен татар. Да в непосредственной близости от строя не меньше двух дюжин и с десятков лошадей.

— Сотенный, ну ты и дал. Ей-ей, думал, конец нам, — не без уважения произнес подошедший Фрол.

— А выхода иного не было. Либо мы заставили бы татар обтекать наш строй, либо они смели бы нас числом.

— Твоя правда. Но все одно рисково.

— Ну так остановил бы.

— Остановил бы, — с серьезным видом кивнул Фрол, — коли сам выход видел бы. Я ведь против конницы все больше верхами привык, из-за повозок там или окопов наших. А вот так, в чистом поле, в первый раз.

Повозки — это да. Вообще-то вариант с применением повозок в качестве укрепления периметра очень даже отработывался. В том числе и на марше, уже в этом походе. Но в этот раз уж больно все быстро случилось, и места им в боевых порядках не нашлось. Да и решение применить тактический прием в этом бою у Ивана созрело молниеносно. Только того и успел, что приказать составить повозки в одну кучу позади строя.

— Всегда что-то случается в первый раз, — философски изрек Иван.

— Это точно. Ну что? Действуем как обычно? — наконец спросил Фрол.

— Давай. На твое усмотрение.

— Понял.

Копытов, казак возрастом за сорок, тут же побежал к своему боевому коню, на ходу выкликая фамилии стрельцов. Ему виднее, кому нужно будет заняться грязной военной работой. И именно благодаря Фролу, несмотря на неудачный поход, они имеют все шансы вернуться в Москву с немалым прибытком. Хм. Ну еще и тому обстоятельству, что их сотню отчего-то постоянно выставляют в боевое охранение на флангах и не спешат оказывать помощь.

Казак в сотне занимал одновременно три должности. Инструктора по боевой подготовке, воспитателя и заместителя сотенного. Вообще-то все три должности для стрелецких полков диковинные. Есть сотник, это если из дворян; выходец из стрельцов, как Иван, зовется сотенным. Есть два полусотенных, эти дворянами случаются совсем уж редко. Если только в качестве какого наказания или родитель приставит воинскую науку постигать. Но тогда уж полусотник. А вот ни о каком заместителе, инструкторе и уж тем более воспитателе никто и слыхом не слыхивал.

Ну да это не его, Карпова, проблемы. И сотня у него непростая, и порядки тут особые. Поначалу таковая должность не планировалась. Но потом Ивану вдруг срочно потребовалось куда-то пристроить казака, изъявившего желание присоединиться к новому подразделению. Терять столь ценного ветерана не хотелось категорически.

Дюжина парней засемила вслед за Копытовым, гордо восседавшим на своем коне. Впрочем, гурьбой бежали они недолго. Практически сразу рассыпались в цепь и двинулись вперед, без затей вгоняя свои штыки-тесаки в тела павших и раненых татар. Не сказать, что им это давалось легко, но приказ выполняли четко. Фрол точно знал, кому именно нужно вправлять мозги.

Сейчас проведут контроль, а на обратном пути проверят тела на предмет серебра и стоящего оружия. С первым, скорее всего, будет пусто. Татары шли на войну, а потому деньги им ни к чему. Дорогое оружие, несмотря на расхожее мнение, у крымцев все же редкость. Так что, как и в прошлый раз, трофеи будут достаточно скромными.

Если только лошади. Но и эти по большей части были средненькими. В лучшем случае, может, рублей по десять и удастся пристроить. Если какая лошадка подешевле, так Фрол и возиться не станет. Даже седла не будет снимать. Разве что попадется что-то действительно стоящее, остальное их не интересует. А то эдак нахватаешь всякого-разного, а потом будешь стоять и чесать репу над целой горой добра.

Иван окинул взглядом картину перед основной армией. Н-да. А ведь его сотня отличилась. Да еще как. На все полки не наберется столько убитых, сколько на его парней.

К тому же есть еще и раненые, что смогли уйти. При местном уровне медицины, и уж тем более у татар, не менее трети погибнет или перейдет на инвалидность. Так что потери татар выйдут весьма существенными.

— Сотенный Карпов! — послышался молодой и задорный голос.

— Тут я. Чего орешь как оглашенный? — откликнулся Иван, окидывая недовольным взглядом вестового, восседающего на лошади.

— Приказ от боярина Голицына — продолжить движение, — подбоченившись, пафосно произнес молодой паренек.

— Сейчас, приведем себя в порядок и двинемся, — ответил Иван.

При этом он совершенно равнодушно отвинтил опустошенный баллон-приклад и заменил на полный. Денщик потом накачает, а при оружии на всякий случай нужно бы иметь заправленный. Вот так. И в офицерскую повозку его. Носить на себе... Нет уж, увольте. И без того нагружено изрядно, а на дворе жаркое лето. Туда же, в повозку, использованные гильзы, вечером снарядит. В патронташах должны быть только готовые к бою патроны.

Кстати. А где Данилка? Ага. Вон он. Порядок. При деле его денщик. Вместе с другими нестроевыми оказывает помощь раненым. Это еще одна отличительная черта их сотни. Есть и лекарь. Вернее, подлекарь, Павел Рудаков, увязавшийся за Иваном в поход. При нем пара санитаров, исполняющих также роль обозников. Наличествует старшина с каптенармусом и поваром. Ну и денщик сотенного.

По мере надобности все нестроевые переквалифицируются в санитаров. В здешних армиях вообще забота о раненых либо предоставляется им самим, либо возлагается на их друзей. Причем если нужен лекарь, то таковой, возможно, и найдется при армии, но бесплатно оказывать помощь не станет. Вот такие реалии.

Что же до повара, то у него только одна задача. Небо обрушится на землю, сама твердь уйдет из-под ног, но еда должна быть приготовлена вовремя. А в баке для питья — всегда наличествовать кипяченая вода. Все остальное его не касается. И толк от этого был. В сотне были зафиксированы

лишь единичные случаи поноса, что вполне естественно. А вот о массовом характере говорить не приходится. И это откровенно всех удивляло. Потому как животами маялось все войско.

— Чего стоишь, буркала вытарацил? — обратился Иван к вестовому.

Тот все еще был рядом, и его буквально распирало от возмущения. Как же, целый боярин отдал приказ, а этот стрелец даже не почесался. Похоже, из дворянчиков. Хочется выслужиться перед именитым начальником. Ну, может, еще и голова забита всякими бреднями, столь свойственными юношам.

— Сотенный, — выделяя его звание, указывающее на недворянское происхождение, начал вестовой, — тебе что, слово боярина не указ?

— Не понял.

— Чего ты не понял, мужик-лапотник? — уже начал закипать дворянчик.

— Во-первых, лапотников ищи на пашне, а не в Стрелецкой слободе. А во-вторых, ты кто такой, чтобы тут голос повышать? Весть передал. Я принял. На этом все. Пшел прочь, пока не зашиб ненароком!

Вот никаких сомнений, что все передаст своему покровителю. Да только... Шалишь! Ивана вот так, без соли, не сожрешь. Хоть бы поинтересовался, что это за такая отдельная Измайловская стрелецкая сотня. Любопытство — оно ведь не всегда порок. Порой помогает избежать множества неприятностей.

Карпов проводил взглядом вестового и бросил взгляд в сторону войска. Усомнился. Потом вскинул к глазам трубу. Ага. Так и есть. Армия уже пришла в движение. Впрочем, чему тут удивляться. Они и в бой-то по-хорошему вступить не успели. Дали дружный залп, вот татары и повернули во-свояси. Очень может быть, что испугались такой же горячей встречи, как у измайловцев.

— Докладывайте, — наконец обратился Иван к собравшимся офицерам.

Копытова, конечно, нет, ну да это не беда. Он сейчас тоже не бездельничает. Нужно побыстрее закругляться и выдвигаться в поход. Вот только получится ли?

— Первая полусотня. Первый взвод — трое убиты, двое ранены. Второй взвод — трое ранены.

— Вторая полусотня. Третий взвод — двое ранены. Четвертый взвод — четверо ранены, один убит.

Ага. Ну, тут все понятно. Первому взводу досталось на орехи, потому как он оказался на направлении главного удара. В четвертом, скорее всего, это результат того, что полусотенный направил один десяток в помощь первому.

Погуляли, йолки! До сегодняшнего дня как-то обходились без потерь. Даже заболевших не было. Отбили несколько атак. Но и там все слава богу. Потому как не ленились и каждый раз вдумчиво готовили позиции. Даже волчьими ямами не пренебрегали. Благо в шанцевом инструменте недостатка не наблюдалось. Ну, не ленились вообще-то командиры, вдохновляемые на подвиги сотенным. Но зато теперь все могут ощутить разницу.

— Павел Валентинович? — Иван перевел взгляд на подлекаря.

А то как же! В его роте он на положении офицера. Участвует во всех советах, имеет полноценное право голоса и даже может выдвигать свои требования. Без фанатизма, конечно, но все же.

— Ну, раненых не одиннадцать, а больше. Полусотенные не учли царапины.

— Если ты не против, я их также не стану учитывать, — пожал плечами Иван.

— В данных условиях любая царапина может воспалиться и перерасти в нечто весьма серьезное, — едва ли не назидательно произнес подлекарь.

При этом Карпов посмотрел на него так, словно хотел спросить, давно ли тот стал столь ответственно относиться к антисептике. И через кого вообще у него зародились в голове подобные мысли.

— И тем не менее это все в рабочем порядке, — покачав головой, возразил Иван.

А и то. Стрельцы проходят курс оказания первой медицинской помощи и ухода за ранами. В сотне введены драконовские меры в плане санитарии. И если после всего этого кто-то умудрится довести простой порез до чего-то серьезного, то грош цена их усилиям.

— Ясно, — с легкой толикой недовольства отозвался лекарь.

Это Иван сейчас машет рукой. А случись проблема на ровном месте, за недогляд непременно спросит с Рудакова. Причем строго. Они об этом уговорились еще перед тем, как Павел присоединился к сотне. Ну да кто же ему виноват, пусть держит руку на пульсе.

— Итак, по существу, — продолжил Рудаков. — Из одиннадцати семеро имеют легкие ранения. Наложу швы, установлю дренажи, и дальше только качественная перевязка. Четверо тяжелые. Один, скорее всего, обречен. Стрела пробила грудь. Все в руках Господа.

Это да. Местные медики даже не пытаются проводить операции на грудной и брюшной полости. Для них это попросту закрытая книга. Максимум, на что они способны, — это выковырять зондом инородный предмет и молиться, чтобы организм сам справился со свалившейся напастью. Даже Павел при всех своих передовых взглядах и смелых операциях не брался за подобное.

— У одного сломана рука, — продолжил подлекарь. — Надеюсь, мне удастся сложить кости как надо. У двоих ранения в плечо. Бойцы никакие, только если уж от полного отчаяния, но, если не случится ничего неожиданного, жизнь вне опасности.

— Калеками не останутся? — уточнил Иван.

— По всему видать, ни суставы, ни жилы не задеты. Так что, по моему разумению, они встанут в строй.

— Через сколько будешь готов продолжить движение?

— Час, никак не меньше. Сейчас начнем ставить санитарную палатку.

Вот так вот. Все по-взрослому. Никаких операций на свежем воздухе. Палатка, марлевый полог, чтобы никакая бяка не залетела, высланный чистой парусиной пол, промытый спиртом лакированный походный стол. Под санитарное имущество вообще выделена отдельная повозка.

— Ясно, Павел Валентинович. Можешь идти. Итак, друзья, есть команда боярина Голицына выдвигаться немедленно, — обернулся он к полусотенным. — Но бросать раненых одних мы не можем. А потому поступим так. Первая полу-

сотня остается с Рудаковым и хоронит павших. Потом догоните нас на стоянке. Ну а я со второй выдвигаюсь дальше.

— Ясно, — ответил командир первой полусотни Гуляев, крепыш лет двадцати пяти.

— Понятно, — поддержал его Кузнецов, второй полусотенный.

— Вот и ладно. За дело.

Ну наконец-то он остался один. Иван извлек из повозки походный складной стол. Разложил на нем принадлежно-сти. Затем выставил стул и смог расслабить гудящие ноги. Уже полдня их сбивает, к тому же сказывается нервное напряжение. Но теперь все позади. Во всяком случае, на сегодня.

В повторную атаку татар откровенно не верилось. Даже когда они налетали мелкими отрядами, никогда не били в одном и том же месте. А уж получив такую серьезную затре-щину, так и подавно успокоятся до конца дня. Тут ведь еще какое дело. Русская армия откатывалась по Дикому полю, прочь от границ Крымского ханства.

Как уже говорилось, даже эту атаку кроме как глупостью не назвать. В ней попросту не было никакого смысла. Для полона вполне хватало отбившихся одиночек и отставших групп или даже целых подразделений. Так что татары могли найти куда менее зубатую добычу. А что для них основная добыча в русских землях? Правильно, рабы.

Закончил снаряжать барабан первого револьвера. Протер спиртом кресало и полку. Взялся за второй. Возня с оружием отвлекала и вносила некое успокоение. Думать о первых потерях в сотне не хотелось. Хм. Надо будет в качестве поощрения изготовить и подарить своим офицерам по такому же револьверу. А Фролу — обязательно пару. А что? Награда — всем наградам награда. Таких образцов тут еще лет эдак сто двадцать семь не будет. В смысле не было бы, так как теперь-то вот они, и другие будут.

Откуда Иван это знает? Есть причины. Хотя бы та, что он не имеет никакого отношения ни к этому миру, ни к этому времени. Именно так. Очень схоже с прошлым его мира, но в то же время хватает и отличий. К примеру, взять то простое обстоятельство, что сейчас идет тысяча шестьсот девяносто второй год от Рождества Христова. Объединен-

ное русское государство по факту отсутствует. А на московском престоле восседает Рюрикович.

Ну а если поподробнее...

Началось это три года назад. Тогда Иван был не молодым человеком двадцати лет отроду, а взрослым сорокаторехлетним мужиком, комфортно чувствовавшим себя в родном двадцать первом веке. Миллионами не ворочал... Хотя-а... Если в рублях, то вполне себе был миллионером. Впрочем, в России это средний класс.

Так вот. Если коротко, то у Рогозина Ивана Степановича за плечами были две чеченские, причем на вторую он попал осознанно, подписав контракт, будучи при этом уже предпринимателем средней руки. Была в нем эдакая авантюрная жилка. Впоследствии нашел некую отдушину в фантастических книгах, путешествиях по необъятным просторам родины. Хотелось острых ощущений. А еще отыскивать и наработать, казалось бы, совершенно бесполезные в двадцать первом веке знания и навыки.

Кроме этого, Рогозин организовал мастерскую, где занимался собственноручным изготовлением всего подряд, от обычного черного пороха до булатных клинков. Ну скучно было мужику, вот и трудился в свое удовольствие, создав для этого ООО «Самоделкин». Предприятие едва-едва балансировало на грани рентабельности. Не бизнес, а одно сплошное развлечение, хобби и отдушина. А что такого? Это куда предпочтительнее, чем спиваться, сваливаться в наркоту или просаживать миллионы за карточным столом в течение одной ночи. А что до семьи, то она не бедствовала. Средства поступали из других источников.

А потом случилось ДТП. По всему Иван должен был погибнуть. Но каким-то непостижимым образом его сознание переключалось в тело семнадцатилетнего паренька, некоего Карпова Ивана Архиповича. На него в тот момент свалилась сосулька и вышибла из тела дух. И судя по тому, что Иван без труда пользовался памятью прежнего владельца тела, но не чувствовал самого юношу, это именно так.

Так что, прочитав больше сотни книг про так называемых попаданцев, он и сам оказался в его роли. Именно благодаря этим книгам он и воспринял данное обстоятельство вполне адекватно. Оказаться в допетровской России с его

багажом знаний... Да он должен был все тут перевернуть вверх дном!

Н-да. Незадача. Ничего-то у него не вышло. Мало того, первая же попытка получить литой булат и поправить материальное положение семьи едва не закончилась для его отца рабством. Ну да, отца. А кого же еще-то. Не получается отделить себя и жить на особицу. Так что и батюшка, и матушка, и брат с сестрицами имеются.

Правда, когда он уж решил, что пришла пора слегка эдак развернуть плечи, Архип, это батюшка, значит, удружил Ивану на ровном месте. Записал его по наследственному праву в стрельцы. Нет, отец-то думал, что облагодетельствовал сыночка, а на деле попросту подложил свинью.

Но не сказать, что ситуация была столь уж безнадежной. Иван сумел-таки построить мастерскую, которой сегодня полностью заведовал его отец. Привнес кое-какие новинки, а сбережение их тайны полностью повесил на плечи отца. И тот, надо сказать, справлялся вполне неплохо.

Вдобавок ко всему парень еще и умудрился стать любовником родной сестры царя, тетки цесаревича. В смысле это княгиня Ирина Хованская заприметила молоденького и ладного стрельца. Заслуги Ивана тут не было никакой. Он просто воспользовался ситуацией и обзавелся весьма и весьма важной покровительницей.

А вот золото на Урале для казны — это уже его заслуга. Благодаря Ивану же удалось раскрыть заговор иезуитов. Потом еще пришлось отправляться в Великое княжество Литовское за дополнительными сведениями. Н-да. Отметились там не лучшим образом. Впрочем, они с Фролом никого не убивали, тот ректор сам себя порешил. Ну да чего теперь-то.

При всем при этом фаворитом великой княгини Хованской Иван так и не стал. Любовником, или даже любимым мужчиной, от которого она родила дочь, — да. Но только и всего. К примеру, от его мыслей по поводу реформирования налоговой системы Русского царства она попросту отмахнулась, мол, не твоего ума дело.

Оно-то так, да только те записи случайно попали на глаза цесаревичу Николаю. Тот же, жаждавший великих свер-

шений, славы и просто переполняемый кипучей энергией, не смог не обратить внимания на выкладки Ивана.

Правда, рассудил по-своему и попросту решил слегка упорядочить налоговую систему. Иван предлагал ввести послабления для народа, торговли и промышленников, а в результате их налоговое бремя, наоборот, усилилось. Вот так. Хотел как лучше, а теперь надо помалкивать, что имеет к этому хоть какое-то отношение. Узнают — порвут в клочья. Он-то не наследник престола. А прецеденты такие на Руси случались.

Но польза от близкого знакомства с Николаем все же вышла. В самом начале, еще до знакомства с княгиней, Иван хотел просто обзавестись стоящим оружием. Ну, коль скоро так вышло, что он оказался в стрельцах, так пусть хотя бы оружие в руках будет нормальное.

Сойдясь же с Хованской, задался целью пойти дальше — набрать себе десяток молодых ребят и стать их командиром. А отчего бы и нет, коль скоро есть такая возможность. Десяток подготовленных и снаряженных бойцов в подчинении увеличивает шансы на выживание. А то реалии современного боя его нисколько не вдохновляли.

И великая княгиня не разочаровала. Мало того, его десяток еще и оказался на привилегированном положении, что позволяло избежать общего строя. И тогда Иван выложил целиком и без остатка. Они с отцом изготовили для всего десятка нарезные, казнозарядные карабины и иное снаряжение.

Уже очень скоро парни сумели проявить себя с наилучшей стороны. Обнаружив на Урале золото, им пришлось разогнать банду русских разбойников и отправившийся в набег отряд башкир. Причем получилось это настолько впечатляюще, что наследник престола не обошел их своим вниманием.

Цесаревич решил устроить состязания между лучшим десятком своих потешных и десятком Карпова. Вообще-то Иван считал, что они раскатают преображенцев под орех. Но на деле все оказалось слегка не так.

Все же, что ни говори, на плацу потешных гоняли и в хвост и в гриву. А потому и шеренга, идущая в атаку, у цесаревичевых птенцов была ровнее, и выглядели они куда мо-

лодцеватей. Правда, когда дело дошло до залповой стрельбы, стрельцы оказались вне конкуренции.

Иван настоял на том, чтобы огонь велся не просто в чистом поле, а по импровизированному строю противника. И эффективность стрельбы десятка Карпова просто не могла не проявиться. Еще бы, коль скоро не наблюдалось ни единого промаха, причем не в сплошной щит, изображающий строй противника. Его парни вели скорый огонь в конкретно обозначенные мишени. И это при том, что стреляли с дистанции сто пятьдесят шагов.

Впрочем, фаворит цесаревича Гастон де Вержи весомо указал на то, что это штуцеры, и за те же деньги можно получить вдвое больше ружей, а соответственно, и уровнять скорострельность. И не смог удержаться от укола, помянув, что если это будут ружья мастерской Карпова, то их получится втрое больше, а значит, и скорострельность возрастет. Точность, конечно, значительно ниже. Но зато вместо одного десятка бойцов можно получить целых три.

И как бы это дико ни звучало, его слова не были лишены смысла. Существующая тактика заключалась в скорострельности, плотности залпа и быстром доведении боя до рукопашной. И Николай был убежден в незыблемости этого постулата.

Но в ближнем бою преображенцам пришлось ой как несладко. Хорошо хоть Иван настоял на том, чтобы штыки остались в ножнах, да еще и тряпками их обмотали. Потому как парней так раздосадовали непрекращающиеся насмешки, что едва до беды не дошло.

Нет, дело вовсе не в том, что штык в этом мире не был известен. Как раз наоборот. И речь вовсе не о багинете, а именно о трубчатом штыке. Французская армия уже несколько лет как пользовалась это оружие. И, разумеется, француз де Вержи не мог не привнести его в полк, находящийся под его командованием.

Но тут уж сказались такие факторы, как умение стрелцов пользоваться бердышами, и, соответственно, нанесение не только колющих, но и рубящих ударов. Ну и саму науку штыкового боя Иван знал гораздо лучше. И причина вовсе не в том, что он служил в армии будущего. Как раз там-то этому, считай, и не учили.

Это все благодаря его увлечению. Ну грешно было, изготавливая кремневые ружья со штыками, не овладеть соответствующими приемами. Зачем? Просто было интересно, вот и все. Так что и читано об этом было изрядно, и потренировался он в том деле солидно. А потому и парней обучил на славу.

Легкая пробежка на три версты, предложенная Иваном, также показала превосходство стрельцов. А затеянный на следующий день поход выявил и куда большую выносливость. За день они преодолели расстояние в сорок верст. Причем после этого были в состоянии вступить в бой, а не повалиться в изнеможении на землю, едва пройдя тридцатую версту. А и то, погода оставляет желать лучшего, грязь хватается. Такой переход не может даваться легко по определению.

Как итог нашлись и положительные, и отрицательные моменты. Выступивший в роли третьейского судьи Николай признал результат соревнований ничейным. Но, к удивлению Карпова, все же оказался человеком вполне прозорливым.

Десятник не смог состязаться в красноречии с де Вержи, расписывавшим превосходство преподаваемой им тактики. Тем не менее цесаревич отдал должное как скорострельности, так и точности огня новомодных стрельцов. Принял он во внимание и слова Ивана относительно их задачи выбивать как можно большее число врагов на значительном расстоянии.

Николай даже загорелся идеей создать новый полк. Но царь-батюшка уже косо поглядывал на сыночка из-за его потешных. Что уж говорить о новом полку. Правда, царь все же не смог устоять, когда Ирина попросила у него разрешения снарядить отдельную Измайловскую сотню на свои средства. Так сказать, создать личную гвардию. Любил Дмитрий Первый сестру, что тут скажешь. А еще ни мгновения не сомневался: случись — и она не задумываясь двинет тех стрельцов на защиту цесаревича.

Ирина же, с одной стороны, решила потрафить племяннику. Пусть тот в ней души не чаёт, лишним не будет. С другой — полюбовник ее и впрямь кое-что смыслил в военном деле. О том ей докладывал верный Матвей. Вот и по-

смотрит, а ну как и впрямь что дельное выйдет на пользу Русскому царству.

Снаряжение даже одной сотни оказалось делом весьма затратным. Шутка сказать, экипировка стрельца обошлась в пятьдесят рублей против двадцати для снаряжения в обычном полку. Причем это если давать ему в руки дорогую кремневую пищаль. С фитильной выходило двенадцать рубликов.

Иван ничуть не стеснялся в запросах и сбавлять даже не думал. А что такого? Если есть возможность оказаться под охраной сотни штыков вместо десятка, то отчего бы и нет? Тем более при яростной поддержке наследника. В связи с подготовкой к военному походу казна изрядно растрясла мощну семейства Карповых, так что серьезный заказ никак не помешает.

Ивана вполне устраивало, что, идя навстречу цесаревичу, княгиня решила ограничиться только одной сотней, пусть и увеличенного состава. Всего в новом подразделении по штату насчитывалось сто тридцать пять человек, из них шесть нестроевых, включая старшину.

Во-первых, подготовку сразу целого полка ему не потянуть. И вообще, из него полковник — как из свиньи балерина. Тут бы сотне ума дать. Тем более что предполагалось участие измайловцев в походе. А то как же, такие деньжищи отвалили и что, вот так просто позволить их проедать?

Во-вторых, мастерская — она и есть мастерская. Пусть и продвинутая, по нынешним меркам. Не управиться было Архипу до конца апреля. Уж больно крупные заказы на него свалились. А именно к этому времени планировалось выступление полков из Москвы. Ведь даже если позабыть о царевом заказе, смастерить нужно не только винтовки, но и иное снаряжение.

По здравом рассуждении и памятуя о полученном на Урале опыте, Иван отказался от вооружения бойцов карабинами. Все же в сегодняшние дни конница даже в европейских армиях все еще составляла существенную часть. А уж о татарах и говорить не приходится. Вот и получилась винтовка длиной полтора метра. Со штыком-тесаком уже выходило около метра девяноста.

Но карабины в сотне он все же оставил. Ими вооружались штуцерники и гранатометчики, по одному стрелцу на десяток. Первым было куда удобнее с укороченным вариантом, тем более в случае выдвижения на скрытые позиции. Вторым и без того приходилось носить по шесть гранат. Да и при метании массивная винтовка была слишком большой помехой.

Также карабины были на вооружении у сержантов, командовавших взводами, и у офицеров. Нет, понятно, что пищали в армии — это, по сути, оружие рядового состава. Но Иван придерживался иного мнения и считал, что командиры должны иметь в руках серьезное оружие, а не пару пистолетов, польза от которых только в ближнем бою и есть.

Сам Иван, кроме всего прочего, предпочитал иметь при себе еще и воздушку. Правда, та все время находилась в повозке и извлекалась оттуда только в случае появления неприятеля. Впрочем, об этом уже говорилось.

Помимо винтовки в снаряжение и вооружение стрелца входила саперная лопатка, выполняющая еще и роль топора. На ее изготовление шла самая настоящая сталь, причем хорошего качества. Не копеечное изделие, чего уж там. Да и в рукопашной очень даже действенное. Пусть пока никому из парней и не довелось ее использовать.

Кожаная портупея с тремя под сумками. В одном находились две гранаты. В двух других — полсотни патронов. Еще два десятка в газырях на груди. Эти исключали лишние движения при перезарядке и предназначались для скорой стрельбы. Также на поясе медная фляжка непременно с кипяченой водой.

За нарушение этого условия незамедлительно следовало наказание. Причем не только стрелцу, но и десятнику, которому придется надзирать за строевой подготовкой незадачливого подчиненного. Ну а тому зачастую обидно, поэтому он вовлекает в это веселье весь десяток.

Вещмешок, не имеющий ничего общего с известными здесь котомками с лямками из обычной веревки. Эти были продуманны и, хотя изготавливались из парусины, имели даже полумягкий каркас со стороны спины. С помощью не-

скольких кожаных ремешков крепилось различное имущество.

К примеру, четыре составные жерди длиной в локоть каждая. С их помощью можно было как устроить палатку, так и собрать легкую рогатку. Не сказать, что увязанное из них заграждение столь уж неодолимо. Но непременно заставит всадника остановиться и подставиться под выстрел или вынудит его отвернуть.

На вещмешке крепилась плащ-палатка из тонкой парусины. Ее пользу стрельцы уже успели почувствовать на собственной шкуре. Еще бы. Ведь из нескольких кусков вполне возможно собрать самую настоящую палатку и переждать непогоду или поспать, укрывшись от пронизывающего ветра.

Не забыл Иван и про длиннополые кафтаны. Они тут в роли эдакой шинели. В поход-то выступали, когда еще было достаточно холодно. А летом куда их девать? Обрастать обозом? Вот уж не нужно такой радости. Поэтому собирался кафтан в скатку и крепился, огибая по верху все тот же вещмешок. С одной стороны, получалось громоздко. Зато с другой — скинул лямки, и тут же налегке в бой.

Ну и в довершение медный котелок, причем с крышкой и хранящейся внутри медной кружкой. Только эта пара предметов лишь по весу меди тянула на тридцать копеек. Но пользу их переоценить сложно.

Полная экипировка стрелца составляла полтора пуда. И с полной выкладкой он должен был за день преодолеть походным маршем добрых три десятка верст. Ускоренным — так все сорок. Тяжко, не без того. Но то было на тренировках. С выступлением же армии в поход стрельцы Измайловской сотни просто прохладались. Шутка сказать, за день им доводилось преодолеть всего-то десять—двенадцать верст.

Мобильность сотни в немалой степени увеличилась благодаря полевой кухне. Она существенно сэкономила время, так как пища готовилась, пока стрельцы были на марше. Впрочем, для этого похода ввиду его медлительности преимущество несущественное. А вот что имело поистине важнейшее значение, так это отсутствие у людей Ивана каких-либо кишечных заболеваний.

Все же централизованное питание, санитарные меры и регулярное наблюдение у лекаря сделали свое дело. Сегодня вся армия маялась животами. Едва ли не четверть воинов уже нашли свой конец в степи или, став жертвами болезней, отстали и угодили в полон. Измайловцы же полностью сохраняли боеспособность, и первые настоящие потери случились только сегодня...

Сборы получились недолгими. Не прошло и пяти минут, как вторая полусотня уже была готова продолжить движение. Молодые и ладные парни построились повзводно в походном строю в колонну по четыре и начали движение.

Молодость — вообще отличительная черта их сотни. Иван специально настоял на том, чтобы отбирать молодых и холостых. Нет, он вовсе не думал о том, чтобы не осталось обездоленных семей.

Если на то пошло, то он верил, что его сотня понесет самые скромные потери. Просто помнил, чем обернулся поход Голицына на Крым. Хотя его не отпускало ощущение, что в его мире тот вроде как случился пораньше. Ну да чему тут удивляться, другой мир — он и есть другой.

Ивана заботило иное. Молодых куда проще обучить и даже переучить, чем ломать ветерана. У него воинские ухватки уже въелись в кровь, а все новое встречает неизменный протест, основанный на многолетнем опыте. На Руси вообще с новым извечная проблема. Уж это-то в обоих мирах неизменно.

К тому же в сотне существовал запрет на женитьбу до двадцати семи лет. Учитывая, что самому старшему стукнуло двадцать четыре, у Ивана было три года на то, чтобы добиться от стрельцов максимальной самоотдачи. Все же семья и уж тем более дети накладывают свой отпечаток и меняют отношение человека к жизни и к службе в том числе.

Как ни хотелось продолжить путь в повозке, Иван предпочел соскочить и присоединиться к полусотне в пешем марше. Не стоит пренебрегать такой малостью, которая оборачивается лишним плюсом в глазах подчиненных.

Бросил взгляд направо. Ага. Рассмотрели и установленную палатку, и колышущийся над ней белый флаг с красным крестом. Впрочем, даже если бы не было палатки, раненые все одно потянулись бы к его сотне. А куда им еще

податься? Хорошо как среди своих найдется сведущий в лекарском деле. А как быть, если такового нет? Рудаков же помогал всем. Причем делал это совершенно бесплатно.

Признаться, Иван поначалу пыхтел, как перегретый самовар. Что ни говори, но и лекаря, и все его снаряжение он тащил в поход исключительно ради своих стрельцов. Но, поразмыслив, все же решил наступить на горло своей жабе. В конце концов Рудакову не помешает обширная практика. И пусть он сегодня израсходует медикаменты и перевязочный материал на посторонних людей, это позволит ему обогатиться опытом. Так что лучше уж он будет учиться на чужих.

Как и предполагалось, до места стоянки добираться оказалось недалеко, пусть и несколько растянуто по времени. Их обычная скорость четыре версты в час здесь оказалась не востребованной. Они даже пообедать успели, чтобы не вырваться вперед. Правда, кухню пришлось отправлять обратно, кормить отставших. Отдалились от места стычки верст на пять и, все так же оставаясь в боковом охранении, начали разбивать лагерь.

Парни с матерком брались за лопатки и, поплевав на ладони, вгрызались в неподатливую землю. Работать пришлось, что называется, за себя и за того парня, половина сотни сейчас хорошо как только на подходе.

Когда первая полусотня наконец подошла к стоянке, все было закончено. Им оставалось составить свои рогатки из палаточных жердей и замкнуть периметр перед бруствером окопов.

Нет, Иван вовсе не собирался отрывать окопы полного профиля. В этом нет никакой необходимости. Вполне достаточно и для стрельбы с колена. Правда, от этого земляных работ меньше не становилось. Сначала квадратный периметр из окопов. Потом еще два квадрата с траншеями и небольшими валами. Препятствие для всадника никакое. Но выкопанные на определенном расстоянии, они все же исключали взятие этого заграждения с ходу. Далее пусть и жидкие, но все же рогатки.

Словом, противник вполне качественно замедлялся и подставлялся под выстрелы. Если же находились горячие головы... Ну что тут скажешь. Этих идиотов и не жалко во-

все, а вот лошадак очень даже. Ведь потом стрельцам приходилось их добивать.

Кстати, с момента начала отступления их солонина оставалась совершенно нетронутой. Подумаешь, конина не идет ни в какое сравнение с говядиной. Это смотря с чем сравнивать. Если с той же солониной, то она значительно проигрывала свежатине.

— Здрав будь, сотенный, — задорно поздоровался Фрол, спрыгивая с седла.

— И тебе не хворать. Давно не виделись. Ты чего это тут учудил, Фрол Емельянович? Нешто столько знатных лошадей подобралось? — недоуменно рассматривая чуть ли не с дюжину лошадей, поинтересовался Иван.

— Да так себе коняги. Не сказать что клячи, но и не из дешевых, — с кислой миной ответил казак.

— Ну и к чему нам с такой обузой возиться?

— А то ты Павла Валентиновича поспрошай. Не на горбу же нам тащить всех тех раненых, что он по доброте душевной подобрал.

— Та-ак. Рудаков, значит, — наконец рассмотрев укрепленные между лошадьми носилки с ранеными, констатировал очевидное Иван.

— Он, — тут же перекинул все на подлекаря казак. — Сам ить знаешь, стоит только нашей санитарной палатке встать, как к ней тут же начинают тянуться увечные. Ну а тут шестерых принесли. Здорово им стрелами досталось. Ну, Павел Валентинович и говорит, давай, Фрол Емельянович, думай, как вывозить страдальцев станем.

— А кроме нас, позаботиться о бедолагах, значит, некому?

— Отчего же, есть. Да только лекарь наш сказывает, не набегаться ему к тем раненым, а они тяжелые, ухода особого требуют. Ну иль сразу добить и в землю. Вот так вот.

— А сам-то где?

— Да там в полку Федора Лопухина болячка какая-то объявилась. Вот и пошел наш лекарь глянуть, что за хворь такая.

— Один?

— Чего это один? Я с ним четверых стрельцов при десятнике отправил.

— Вот же неугомонный. Оно ему надо? Ведь на всю армию ни его, ни наших припасов лекарств не хватит, — в сердцах выдал Иван.

— То с ним разбирайся, — открестился Фрол. — Пойду гляну, чтобы ладно с рогатками все сделали.

— Давай, — безнадежно махнул рукой Иван.

Рудаков появился, только когда уже окончательно стемнело. Правда, есть холодную кашу ему не пришлось. В сотне все питались из одного котла, но отношение к Павлу было особым. Потому и повар сберег кашу так, что она осталась не просто горячей, но и рассыпчатой. А ведь уж не меньше часа минуло с тех пор, как ужин прошел. Даже о сотенном такой заботы не проявляли, как о лекаре.

Ну а то! Карпов, тот, аспид, пусть и молодой, а душу из них всю вынул. В деле пока себя никак не проявил, в бою в первые ряды не лезет. Только и того, что своим зычным голосом раздаёт команды. А вот Рудаков, молодчина, столько заботы о стрельцах имеет, что ни единого хворого среди них нет. А уж как все войско изводится, им ведомо, не гляди, что сотня все время где-то на отшибе.

— Ну и что там стряслось? — присаживаясь рядом с жадно уминающим кашу Рудаковым, поинтересовался Иван.

— А-а, не обращай внимания, — пережевывая еду, хмуро отмахнулся подлекарь. — Черная оспа в армии куражится.

— Фрол вроде говорил только о полку Федора Лопухина, — усомнился Иван.

— Не. Болячка уже в нескольких полках обнаружилась. Ну, я сунулся было с советами к личному медику Голицына, да тот послал меня. Мол, и так ведаю, что надобно делать.

— Жалеешь, что здесь, а не в академии?

— А ты как думаешь? — огрызнулся Павел.

— Да так и думаю. Но что тут поделывать. Спасибо хоть с прививками успел разобраться.

— Ага. И с ними не до конца еще разобрался.

— С чего бы это? Все работает как надо. Хочешь, прямо сейчас пойду обниматься с больными?

— То, что зараза ни к тебе, ни к кому из наших стрельцов не пристанет, я прекрасно знаю, — с язвинкой произ-

нес Павел. — А кто знает, как это все происходит? Отчего все именно так случается, а не иначе, пояснить можешь? Как не предотвратить, а лечить хворь?

— Да чего ты меня-то пытаешь? — возмутился Иван.

— А кто мне насоветовал, как с оспой бороться, не ты ли?

— Ну-у, мил-человек... Хозяюшка, дай воды напиться, а то так жрать хочется, что даже переночевать негде.

— Как-как? — позабыв возмущаться, вздернул брови Павел.

— А вот так, — хмыкнул сотенный.

— Вань, погоди. Вань, ну погоди ты!

Пришлось рассказывать старинный анекдот, а потом еще и выжидать, пока Павел успокоится. Ах да. И еще разок повторить, когда на хохот этого лося подтянулись полусотенные и Фрол. Ну и пошла байка гулять по сотне, пробуждая взрывы смеха то тут, то там.

— Наржался, конь стоялый? — глядя на Павла, утирающего платком слезы, спросил Карпов.

— Ой и не говори. И судя по всему, нужно было это не только мне, — кивая в сторону гогочущих стрельцов, едва присипел подлекарь.

Ну да, есть такое. Сегодня костлявая каждому из них в лицо заглянула. И многие успели уж с жизнью проститься. Но Господь не попустил. А то, что парни принесли весть из основного лагеря об оспе, ерунда. Каждый доподлинно знал, что хворь к ним ни под каким видом не подступится. Потому как их Павел Валентинович одно восточное снадобье знает и всех их еще перед походом обезопасил. А посему опять у костлявой промашка вышла. И раз так, то отчего не повеселиться.

Правда, никому при этом не говорили, что им прививали самую настоящую живую оспу. Пусть и коровью, но все же оспу. А главное, не азиатскую какую, а взятую от самой обычной буренки в одном из измайловских хлевов. Если бы стрельцы знали, то бежали бы от своего любимого костоправа куда глаза глядят.

Не заладилось у Павла в столице. Как и предполагал Иван, нашла коса на камень. Профессор Рошин, учитель Рудакова, встал на пути молодого дарования неодолимым препятствием, предав анафеме все его начинания. Ну как

же, ведущий профессор медицины, учитель и наставник. И вдруг какой-то молодой подлекарь начинает утверждать, что Христофор Аркадьевич ошибается. Мало того, его методы лечения ранений в корне неверны. Оспа же послужила последней каплей.

Павел хотел всерьез заняться изысканиями в этом направлении. Но Рошин велел ему выбросить из головы разные бредни и заняться действительно стоящим делом. Когда же молодой человек отказался и открыто восстал против учителя, тот попросту удалил его из своей лаборатории.

А заодно отказал и от дома. Парень уже совсем скоро должен был получить звание лекаря. Это позволило бы ему встать в один ряд с дворянами и рассчитывать на руку Дарьи Христофоровны. Ага. Была между этими двумя симпатия. И тут такое.

Павлу бы отступить, хотя бы для виду. Иван предлагал ему подобный шаг. Опять же, не только личную жизнь сумел бы устроить, но и сохранил бы доступ к лаборатории, а там уж тайком, тишком да бочком разбирался бы с природой болезни. Да куда там. И слушать не пожелал. Прав он, вишь ли, и точка.

Еще, наглец такой, и к Ивану удочки забрасывал. Мол, дорогой ты мой товарищ, мало уметь предотвращать болезнь, не мешало бы научиться ее лечить. А не желаешь ли ты оборудовать лабораторию? Деньга-то у Карповых водится. А там всего-то... Вообще-то дорогое это удовольствие — научные изыскания. Ивана же вполне устраивали прививки. С остальным пусть сами разбираются.

А вот на службу в сотню Иван взял Павла без лишних разговоров. Вернее, даже сам воспользовался ситуацией и подтянул теперь уже, похоже, вечного подлекаря. Ну нет на сегодняшний день никого, кто лучше Рудакова управлялся бы с ранениями. Хотя бы потому, что тот применял асептику и антисептику и не боялся резать своих пациентов. Пусть и не повсеместно, но это уже великое дело.

Пришлось, конечно, Ирине Васильевне в красках расписывать всю пользу от штатной должности подлекаря в сотне. А то как же. Ему ведь нужно платить жалованье. Да инструмент, да повозка и припас. Но все же убедить ее получилось. Причем настолько, что она пресекла на корню

возмущения Рощина. Мол, выжил неслуха из академии, вот и радуйся. А в стрелецкую сотню нос свой не суй...

— Ну так что там лекарь голицынский? — все же поинтересовался Иван.

— А что лекарь. К палатке Голицына близко никого не подпускает и сам от нее ни на шаг. Раздает указания издали, велит разводить полки и изолировать тех, у кого болезнь уже проявилась. Армия становится большим лагерем, пока напасть не пройдет. Казакам отдали приказ пустить весть по степи, что на русскую армию навалилась болезнь. Хотя татары беспокоить не станут.

— Ну а прививать предлагал?

— Да предлагал я. Ссылался, что на Востоке уже не один век борются с оспой этими прививками.

— И?

— Ну я же тебе сказал. Послал меня господин Конти. Да и с другой-то стороны, своего материала для прививок у меня нет. Так что ерунда все это.

— Может, лошадей посмотришь? — предложил Иван. — У них с коровами вроде как болячка похожа. Ну, как вариант.

— И где у лошадей искать пустулы? — тут же оживился Рудаков.

Вопрос, между прочим, неспральный. У коров волдыри обнаруживались на вымени, чего лошади вроде как были лишены. Но...

— А я откуда знаю, — вскинул брови Карпов.

— Ванька! — возмутился Павел.

— Да не кипи ты. Виноват я, что ли, что оно вот так вот само всплывает. Опять же, чего там мне помнилось, поди еще разберись.

— Разберусь. Я. Разберусь. Не сомневайся, — отдельно произнес Павел.

Отставил пустой котелок и решительно направился к санитарной повозке. Не иначе как сейчас вооружится фонарем и полезет изучать лошадей. Он такой. Он упорный. Все с ног на голову поставит, а своего добьется.

Ну или попытается добиться, наткнувшись на глухую стену непонимания. Впрочем, такого остановит только смерть.